

Э. А. МАКАЕВ

ПРОБЛЕМА ИНДОИРАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО ЕДИНСТВА

Значительная близость иранских и индоарийских языков в их древнейшем состоянии (авестийский, древнеперсидский — с одной стороны, ведический, санскрит — с другой стороны) в области фонетики, грамматики, лексики не подлежит сомнению. Можно даже утверждать, что из всех известных индоевропейских языков столь значительная структурная близость характерна лишь для индоиранского ареала. Вполне естественной поэтому представляется постановка вопроса о причинах и факторах, повлиявших за собой столь разительное сходство двух групп древних индоевропейских языков. В сравнительном индоевропейском языкознании безоговорочное признание получила гипотеза, впервые обоснованная Б. Дельбрюком¹, согласно которой индийские и иранские языки восходят к общему индоиранскому языку, с распадением которого образовались две группы: индийская и иранская и тем самым структурная общность обеих групп языков объяснялась сохранением или консервацией общих черт, восходящих к эпохе индоиранской общности. Не подлежит сомнению, что в основе этого объяснения лежала теория родословного древа индоевропейских языков А. Шлейхера, принимавшая наличие ряда ареальных праязыков, являющихся промежуточными звеньями между индоевропейским праязыком и отдельными индоевропейскими языками. В дальнейшем развитии сравнительного языкознания, особенно после появления и бурного развития диалектологии и лингвистической географии и тех выводов, которые были сделаны из методики данных дисциплины для сравнительной грамматики индоевропейских языков, существование таких ареальных праязыков, как итало-кельтский и балто-славянский, было поставлено под сомнение и стало предметом многочисленных и нескончаемых контrovers, не закончившихся и в настоящее время². Однако гипотеза индоиранского праязыка на фоне той ожесточенной бури, которая была вызвана полемикой между сторонниками и противниками существования индоевропейских ареальных праязыков, продолжала свое безмятежное существование. Более того, в начале XX в. в монографии А. Мейе³, она подверглась некоторой модификации и приняла тот канонический облик, который остался

¹ В. D e l b r ü c k, *Einleitung in das Sprachstudium*, Straßburg, 1888. Следует особ о отметить, что Б. Дельбрюк уже в то время из всех ареальных индоевропейских языков единственно научно обоснованным признавал лишь существование индоиранского праязыка. В шестом издании той же книги (Leipzig, 1919, стр. 249). Б. Дельбрюк признавал индоиранское и балто-славянское контактирование.

² См. последнюю обобщающую работу по данному вопросу с обширной библиографией в: «Ancient Indo-European dialects», ed. by H. Birnbaum and J. Puhvel, Berkeley—Los Angeles, 1966; см. также: С. M a r s t r a n d e r, *De l'unité italo-celtique*, NTS, III, 1929, стр. 241—259; О. S z e m e r é n y i, *The problem of Balto-Slav unity*, «Kratylos», 2, 1957, стр. 97—123; С. Б. В е р н ш т е й н, *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, М., 1961, стр. 27—37.

³ А. M e i l l e t, *Les dialectes indo-européens*, 2-me éd., Paris, 1950.

незыблемым на протяжении XX в., и именно в этом виде данная гипотеза представлена во всех руководствах и исследованиях по сравнительной грамматике индоевропейских языков. Для объективной оценки данной гипотезы в свете современного состояния сравнительного индоевропейского языкознания представляется необходимым подробно рассмотреть аргументацию А. Мейе в его уже упоминавшейся книге. А. Мейе указывал на то, что «из всех (индоевропейских. — Э. М.) диалектных групп, для которых следует постулировать эпоху языковой общности после распада общиндоевропейского языка, индоиранская группа является единственной, реальность которой прямо засвидетельствована»⁴. Далее автор подчеркивал: «Следует определить, на основе каких данных устанавливается языковая общность диалектов после их выделения из индоевропейской общности; индоиранская группа обнаруживает целый ряд специфических особенностей, которые более нигде не встречаются и которые восходят к эпохе совместной жизни (носителей. — Э. М.) данной группы диалектов»⁵. К таким особенностям, которые более нигде не встречаются, А. Мейе относил следующие явления:

1. Общность имени для обозначения индийских и иранских народов: авест. *airya-*, др.-перс. *ariya-*, др.-инд. *ār(i)ya-* («ариец»).
2. Гласные $\ddot{e}$, $\ddot{o}$, $\ddot{a} > a$ с вытекающей отсюда утерей качественного и, соответственно, развитием количественного чередования.
3. Переход $a > i$.
4. Действие в этих языках (и только в них) закона Бартоломе.
5. Проникновение форматива *-n-* в род. падеж мн. числа у гласных основ.
6. Форматив род. ~ отлож. падежей ед. числа у $\bar{a}$ -основ — *āyā*.
7. Форматив 3-го лица императива *-i-*: др.-инд. *bhāratu*, авест. *baratu* «спусть несет».
8. Определенное парадигматическое тождество, например, в парадигме личного местоимения 1-го лица.

А. Мейе заключал: «Ни один индоевропейский язык не обнаруживает даже в отдаленной степени подобных тотальных совпадений, доходящих до мельчайших подробностей, как то имеет место в индоиранских языках»⁶.

А. Тумб и Р. Хаушильд в своей «Грамматике древнеиндийского языка»⁷, давая характеристику арийского праязыка, добавляют к вышеприведенному списку А. Мейе следующие явления:

9. Палатализация гуттуральных, как в языках группы «*satəm*».
10. Переход $s > \dot{s}$ в позиции после *-i-*, *-u-*, *-r-*, *-k-*.
11. Форматив *-mi*, в 1-м лице ед. числа у тематических и атематических глаголов.

Прежде чем будут рассмотрены данные критерии, которые позволяют конституировать индоиранское языковое единство, необходимо остановиться на вопросе, какие признаки являются достаточным основанием для признания, что индийские и иранские языки восходят к единому индоиранскому праязыку. Это прежде всего — инновации, совместно пережитые индийскими и иранскими языками, характерные лишь для данных языков и не встречающиеся в других индоевропейских языках. Именно это имел в виду Мейе, перечисляя индоиранские специфические особенности, «которые более нигде не встречаются». Данный вопрос тес-

⁴ Там же, стр. 24.

⁵ Там же, стр. 25.

⁶ Там же, стр. 25—27.

⁷ A. T u m b, R. H a u s c h i l d. Handbuch des Sanskrit, I Tl., Heidelberg, 1958, стр. 56.

нейшим образом связан с проблемой инноваций и архаизмов в индоевропейских языках и их удельном весе при определении степени родства между различными индоевропейскими языками. Поскольку мне уже неоднократно приходилось останавливаться на этом вопросе⁸, в данной работе я укажу на следующие моменты. При определении степени родства между отдельными индоевропейскими языками решающее значение принадлежит выявлению и н о в а ц и й, общих для двух языков и не характерных для прочих индоевропейских языков. Однако этого еще недостаточно. Следует строго различать существенные и несущественные инновации при определении степени языкового родства.

Существенными инновациями следует считать такие инновации, которые охватывают лишь определенные языки или языковые группы и не распространяются на другие языки или ареалы. Так, переход $\tilde{e}, \tilde{o}, \tilde{a} > \tilde{a}$ в индоиранских языках является существенной инновацией, ибо синкретизм кратких и долгих кардинальных гласных в одной фонеме / $\tilde{a}$ / из всех индоевропейских языков имел место только в индоиранских языках.

Несущественными инновациями следует считать такие инновации, которые охватывают многие (или большинство) индоевропейские языки, которые представляют большую важность при описании эволюции морфологического строя индоевропейских языков, но которые при определении степени родства между двумя языками или ареалами не представляют никакого интереса и не должны приниматься во внимание. Так, процесс тематизации основ был характерен не только для индоиранских, но для подавляющего большинства индоевропейских языков и поэтому данное явление не может использоваться как один из признаков, характеризующих постулируемое индоиранское языковое единство. Итак, при определении степени языкового родства между двумя языками или ареалами следует учитывать лишь существенные инновации.

Что касается а р х а и з м о в, то они позволяют определить дистанцию между общиндоевропейским языком и определенным этапом развития какого-либо индоевропейского языка, но при определении степени родства между двумя языками они оказываются иррелевантными и не должны приниматься во внимание. В этом случае архаизмы оказываются функционально тождественными несущественным инновациям.

С данной трактовкой инноваций и архаизмов, которую мне приходилось неоднократно обосновывать в вышеупомянутых работах, интересно сравнить анализ инноваций и архаизмов, предложенный Е. Куриловичем, который указывает на то, что «это разделение на характерные и нехарактерные („банальные“) черты переплетается с другим: рассматриваемые общие черты могут быть или новообразованиями, или архаизмами. Причем опять-таки на первый план выдвигаются новообразования как доказательство языковой общности, проявляющейся позитивно или действительно; наоборот, общие архаизмы, свидетельствующие об общем отсутствии изменений на соответствующем участке языковой системы, имеют негативный характер и соответственно с этим ценность лишь дополнительного аргумента». Далее Е. Курилович подчеркивает: «Нехарактерные факты, такие, как общность или сходство фонетических и грамматических изменений банального типа, а также аргументы негативного свойства, такие, как сохранение без изменений старых фонетических или грамматических черт, должны быть приняты во внимание только в другом плане как подтверждение решающих аргументов, какими являются

⁸ См.: Э. А. Макаев, Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, М.—Л., 1964, стр. 25—33 и 56—57; е г о ж е, Имеющее значение в ведическом и савскрите, ВД, 1964, 6, стр. 94—101; е г о ж е, Archaismen und Innovationen im Vedischen, сб. «Pratidānam. F. V. J. Kuiper», 's-Gravenhage, 1969, стр. 32—38.

общие характерные новообразования. Схематически это можно представить так:

Новообразования Архаизмы			
Характерные	a	b	
Базальные	c	d	

Из этих четырех рубрик только *a* включает основные аргументы для доказательства языковой общности. Две другие (*b*, *c*) не могут быть самостоятельными доказательствами, а *d* практически не имеет доказательной ценности (ср., например, сохранение названий чисел, родства, местоимений и т. п.). Но и в области характерных новообразований (рубрика *a*) важность отдельных аргументов неодинакова. Конечно, трудно отдать предпочтение огульно либо фонетической эволюции, либо изменениям морфологического строя или функций. Чем более специфично и сложно изменение, тем более будет поражать соответствие между обнаруживающими его языками. Наиболее же характерны, по нашему мнению, те изменения, которые идентичны в обоих языках не только по своим конечным результатам, но и в промежуточных стадиях⁹.

После этих общих замечаний об инновациях и архаизмах можно перейти к рассмотрению списка Мейе и Тумба — Хаушильда.

1. Мейе указывает прежде всего на общее этническое обозначение древнейших представителей индийских и иранских племен — «арья» (авест. *ařya*, вед. *ārya*). Но, не говоря уже о неясности этимологии данного этнонима¹⁰, можно полагать на основе филологической интерпретации данного термина в древнеиндийском и в древнеиранском¹¹, что «арья» обозначал свободных, полноправных людей, возможно, чужеземцев-победителей, в отличие от них коренных, побежденных племен «дасью»¹². Ср., например, в Ригведе: «*ābhir viśvā abhiyūjo viśucir ārtāya viśó' va tācīr dāsīh*». «С этими оттопи все атаки, подчини арийцу дасийские племена» (R̥gveda, Мандапа VI, 25, 2)¹³. Таковыми могли быть представители родовых, но различных племен. Во всяком случае, общность этнического термина вовсе не означает, что древнеиндийские и древнеиранские племена должны непременно восходить к е д н о м у арийскому племени (скорее всего такого племени вообще никогда не существовало, а «арья» было первоначально не этническим, а социальным термином), а индийские и иранские языки — к одному индоевропейскому диалекту, как то предельно ясно было сформулировано В. Брандештайном: «Среди индоевропейских языков идиоанские языки образуют замкнутую группу, т. е. они находятся друг с другом в более тесном родстве, чем с каким-либо другим индоевропейским языком. Поэтому можно полагать, что данная группа языков восходит к о д н о м у индоевропейскому диалекту, хотя и не в смысле схемы родословного древа. Этот индоевропейский диалект принято называть „арийским“, так как и в Индии, и в иранской области термин „арий-

⁹ К. Курдюкович, О балто-славянском языковом единстве, ВСЯ, 3, М., 1958, стр. 15—16.

¹⁰ M. Maughofer, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, I, Heidelberg, 1956, стр. 52, 79, где проводится литература вопроса.

¹¹ Из обширной литературы ср.: P. Thieme, Der Fremdling im R̥gveda, Leipzig, 1938; его же, Mitra and Aryaman, New Haven (Connecticut), 1957; E. Benveniste, Le vocabulaire des institutions indo-européennes, I, Paris, 1969, стр. 369—373.

¹² Э. А. Грантовский, Арш. «Советская историческая энциклопедия», I, М., 1961, стр. 726; В. И. Абаев, Из истории слов, ВЯ, 1958, 2.

¹³ Th. Aufrecht, Die Hymnen des R̥gveda, Berlin, 1955; перевод дается по К. Гальдеру: K. Geldner, Der Rig-Veda, I—III, Cambridge (Mass.), 1951; H. Grassmann, Wörterbuch zum Rig-Veda, Wiesbaden, 1955, стр. 185: «Ursprünglich der zu den Treuen gehörige; daher der Arier als Benennung der indischen (wie auch der iranischen) Stämme, im Gegensatz gegen die Fremden *dārya*».

ский¹⁴ применялся как самообозначение собственного народа»¹⁴. Мейе со свойственной ему точностью и осторожностью в выводах был несомненно более прав, когда он приходил к следующему заключению: «...индийский и иранский несомненно восходят к различным индоевропейским диалектам, а эпоха их совместного развития не привела к их полному слиянию. Изогlossen падения *э внутри слова и трактовка *wu являются водоразделом между индийским и иранским; кроме того, можно указать на определенные лексические совпадения, которые наблюдаются в иранских и славянских языках и в то же время не распространяются на древнеиндийский язык. Эти две языковые группы, хотя и развивались параллельно, продолжали все же оставаться в некоторой степени различными»¹⁵.

2. Мейе далее указывает на переход и.-е. гласных $\acute{e}$, $\grave{a}$, $\bar{o}$ > индоир. $\bar{a}$. Данное явление бесспорно образует существенную инновацию (см. об этом выше), но оно будет рассмотрено ниже в связи с некоторыми особенностями подсистемы индоиранских согласных.

3. Далее Мейе перечисляет некоторые явления, которые заслуживают особого рассмотрения. Дело в том, что ряд этих явлений относится к несуществующим инновациям и тем самым они не обладают доказательной силой для обоснования гипотезы индоиранского языкового единства или арийского праязыка. Так, проникновение форматива -n- в род падеж мн. числа у гласных основ характерно не только для древнеиндийского и древнеиранского, но и для германских языков¹⁶. Такой же несущественной инновацией является указание Мейе на форматив 3-го лица императива -u: др.-инд. *bhárati*, авест. *barati* «пусть несет», так как данное образование не ограничивается только индоиранским ареалом; так, в хетто-лувийских языках представлено то же образование: ср. др.-инд. *ástu*, авест. *astē*, хетт. *estu* (3-е лицо ед. числа императива глагола «быть»); др.-инд. *sántu*, др.-авест. *hántu*, хетт. *asantu* (3-е лицо мн. числа глагола «быть»)¹⁷. Возможно, форматив -u представлен также в готском языке; ср. гот. *bairadau*, *bairandau* «пусть несет, пусть несут»¹⁸. Что касается перехода $\bar{e} > i$, то данный процесс, как отмечает сам Мейе, не сближает, а разделяет индийские и иранские языки. Таким образом, из всех перечисленных Мейе особенностей действительную силу имеют лишь: № 2 — синкретизм гласных; № 4 — действие закона Бартоломе; № 6 — форматив *-āyā* (у *a*-основ); № 8 — известное тождество ряда парадигматических звеньев.

Те же значения относятся к списку Тумба — Хаушильда. И в данном случае речь идет о несущественных изоглоссах или инновациях. Так, пала-

¹⁴ W. Brandenstein, M. Mayrhofer, *Handbuch des Altpersischen*, Wiesbaden, 1964, стр. 1.

¹⁵ A. Meillet, *указ. соч.*, стр. 27. И. М. Орский справедливо подчеркивает, что «судяки ираноязычных племен, создавших Авесту, и предки индоязычных племен, создавших Веды, жили в глубокой древности вместе, на одной общей территории, говорили на близко родственных друг другу арийских диалектах» (И. М. Орский и др., *Введение в иранскую филологию*, М., 1960, стр. 43), хотя автор, как и все исследователи до него, не сомневается в том, что «эти языки генетически родственны, что они восходят к одному общему источнику — арийскому языку-основе» (там же, стр. 48).

¹⁶ «Сравнительная грамматика германских языков», III, М., 1963, стр. 182—183; A. Thumb, R. Hauschild, *Handbuch des Sanskrit*, II Tl., Heidelberg, 1959, стр. 48.

¹⁷ H. Kronasser, *Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen*, Heidelberg, 1956, стр. 208—209; A. Kammenhuber, *Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch*, «Handbuch der Orientalistik, II. 2 — Altkeinasatische Sprachen», Leiden—Köln, 1969, стр. 322—324; H. Reichelt, *Awestisches Elementarbuch*, 2 Aufl., Darmstadt, 1967, стр. 129—130; H. Kronasser, *Etymologie der heititischen Sprache*, I, Wiesbaden, 1968, стр. 370 и сл.

¹⁸ W. Krause, *Handbuch des Gotischen*, München, 1968, стр. 227; автор сопоставляет гот. *bairandau* с греч. $\varphi\epsilon\rho\tau\omega$ + частица *-u*.

тализация гуттуральных охватывает с большей или меньшей степенью интенсивности весьма значительный индоевропейский ареал группы «а-тэп»; естественно, что данная инновация не может быть использована как одно из доказательств существования общепарийского языка. То же замечание относится и к переходу $s > \xi$ в позиции после $-i$, $-u$, $-r$, $-k$. Данный переход характерен не только для индоиранских, но и для славянских, и, частично, для балтийских языков. Г. Броуер с полным основанием замечает, что «начало этого фонетического процесса, по всей вероятности, восходит еще к индоевропейской эпохе и должно рассматриваться как диалектная особенность определенного индоевропейского ареала на основании того, что при тех же условиях происходил переход $s > \xi$ в древнеиндийском, $s > \xi$ в древнеиранском, а также в остатках представленный переход $s > \xi$ в литовском (чаще всего после $-r$ и $-k$)¹⁹. К тому же выводу приходит Г. Шевелов: «Все эти различия в диапазоне перехода ($s > \xi > x$. — Э. М.) и в его хронологии доказывают, что переход $s > x$ в славянском не был частью и фрагментом индоиранской эволюции, хотя бесспорное сходство в двух процессах развития является свидетельством общего отправного пункта в рамках диалектного индоевропейского языка и обнаруживает позднейшее иранское влияние на славянские языки»²⁰.

Наконец, то же замечание относится и к последнему пункту, к формату $-mi$ в 1-м лице ед. числа у тематических и атематических глаголов. Не говоря уже о том, что именно в данном случае обнаруживается существенное различие между древнеиндийским и древнеиранским (ср. др.-инд. *bhārami*, авест. *barāmi* «я несу»), но др.-авест. *srasyū* «наблюдаю, смотрю», проникновение формата $-mi$ в тематические глаголы наблюдается не только в индоиранском ареале, но характерно также для армянского и кельтских языков (ср. арм. *berem* «я несу», др.-ирл. *benimim* «я ударю», *gabimim* «я беру»). Г. Льюис и Х. Педерсен замечают: «1-е лицо ед. числа настоящего простого имеет правильное окончание на $-u$ в I спряжении в древнеирландском языке (*briu* «я несу», *tiagu* «иду», *arco* «иду», «иду»... В среднеирландском языке преобладающим всюду стало окончание $-im$. В сложных формах также употребляется простое окончание $-im$)»²¹.

Таким образом, большинство из рассмотренных изоглос, приводимых Мейе и Тумбом — Хаушильдом для доказательства реального существования индоиранской языковой общности или арийского языка, на самом деле оказываются несущественными инновациями, которые в лучшем случае свидетельствуют о наличии определенных индоевропейских ареалов и более или менее интенсивных контактах между ними, но которые не дают основания для постулирования общепарийского языка.

Теперь рассмотрим бесспорно существенную инновацию, охватывающую индоиранский ареал, а именно переход i - e . ξ , δ , $\delta > \delta$ в данном ареале. Хотя переход $\delta > \delta$, а частично и $\xi > \delta$ наблюдается в разных индоевропейских ареалах²², не подлежит сомнению, что синкретизм кратких и долгих гласных ξ , δ , $\delta > \delta$ индоир. δ четко очерчивает индоиранский ареал. В какой мере это является доказательством существования общепарийского языка? Исследователи обычно не связывали данное явление

¹⁹ H. B r ä u e r, *Slavische Sprachwissenschaft*, I, Berlin, 1961, стр. 178 (Sammlung Göschen).

²⁰ G. S h e v e l o v, *A prehistory of Slavic*, Heidelberg, 1964, стр. 129.

²¹ Г. Льюис, Х. Педерсен, *Краткая сравнительная грамматика кельтских языков*, М., 1954, стр. 332—333.

²² Ср. $o > \delta$ в индоир., герм., литов., частично в арм.: Н. К r a h e, *Indogermanische Sprachwissenschaft*, I, Berlin, 1962, стр. 56; переход $\delta > \delta$ в тох. А: тох. А *ak*, тох. В *ek* «глаз», тох. А *kam*, тох. В *kene* «зуб» (W. K r a u s e, W. T h o m a s, *Tocharisches Elementarbuch*, I, Heidelberg, 1960, стр. 53).

с особенностями индоиранского консонантизма, а именно эта взаимосвязанность чрезвычайно важна для поставленного вопроса. Дело в том, что имевшая место в предистории индийских и иранских языков первая и вторая палатализация гуттуральных протекла неодинаково в данных языках. В протоиранском к-е. $k, g, gh > s, z, zh$ (авест. s, z), т. е. I палатализация: ср. др.-инд. *śatām*, авест. *satəm* «сто»; др.-инд. *śānu*, авест. *zānu* «колено»; др.-инд. *himá-* «снег», авест. *zima-* «зима». Протоиранские k, g, gh перед $\bar{e}$ и $\bar{i} > \bar{s}, j, jh$ (авест. $\bar{s}, j$), т. е. II палатализация: ср. др.-инд. *śácate*, авест. *hačaiti* «следует», др.-инд. *śvati*, авест. *švaiti* «живет»; др.-инд. *hānti*, авест. *čajnti* «ударяет, убивает». Таким образом, в предистории иранских языков фонемные ряды, возникшие в результате действия I и II палатализации, противопоставлены и не подвергаются синкретизму. В то же время в предистории индийских языков контраст $\bar{s}, z, zh \sim \bar{c}, j, jh$ сведен лишь к противопоставлению $\bar{s} \sim c$, в то время как др.-инд. $j < z$ и $\bar{j}$, а др.-инд. $h < zh$ и $\bar{h}$. Не подлежит сомнению, что протоиранское состояние не только отличо от протоиндийского, но что оно явно древнее протоиндийского состояния²³. В то же время не приходится доказывать, что явления I и II палатализации древнее перехода $\bar{e} > \bar{a}$ в индоиранском ареале²⁴. Следовательно, мы приходим к выводу, что переход $\bar{e}, \bar{a}, \bar{o} > \bar{a}$ является общерийским и протекает тождественно в индийских и в иранских языках, в то время как явления палатализации протекают различно в указанных языках и восходят к более древней эпохе. Итак, в начале, в предистории индийских и иранских языков в подсистеме согласных обнаруживаются различия, а значительно позже в подсистеме гласных обнаруживаются тождественные явления. Как объяснить это парадоксальное явление?

Единственно приемлемым представляется объяснение, согласно которому вышеуказанные явления в области согласных (палатализация) и в области гласных (синкретизм) протекали параллельно, но независимо в индийских и иранских языках, обнаруживая сходства, и различия. Это положение с неизбежностью подводит к заключению, что протоиндийский и протоиранский восходят к близкородственным, но различным индоевропейским диалектам (см. выше пояснение Мейе), а не к мнимому общерийскому языку, ибо в данном случае мы ожидали бы строго логически обратного результата, а именно: в начале общерийской эпохи должно было наблюдаться структурное сходство или тождество в подсистеме гласных и согласных, а в более позднее время должны были сказаться различия, которые неизбежно привели бы к распаду первоначального языкового единства²⁵. Следовательно, коронный пример для постулирования эпохи индоиранской языковой общности, приводимый всеми исследователями,

²³ См.: K. Hoffmann, *Altiranisch*, «Handbuch der Orientalistik», IV — Iranistik, Leiden — Köln, 1953, стр. 3.

²⁴ См.: K. Brugmann, *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Straßburg, 1904, стр. 165; «Der ural. Wandel von $\bar{e}$ in $\bar{a}$ war jünger als die Palatalisierung»; T. Burrow, *The Sanskrit language*, London, 1955, стр. 77; «The second palatalisation took place fairly early in the development of Indo-Iranian, before the change of $\bar{e}$ to $\bar{a}$ which distinguishes this branch from the rest of Indo-European»; M. Mayrhofer, *Sanskrit Grammatik*, Berlin, 1965, стр. 21 (Sammlung Götschen).

²⁵ Н. Минисси указывает на то, что слишком упрощенческая концепция доисторической эпохи уступила место другой, согласно которой развитие различных явлений, особенно в области согласных, характерных для индийских и иранских языков, было обусловлено действием тенденций, протекавших параллельно, но независимо. См.: N. Minissi, *Il vocalismo del protoario*, «Studia classica et orientalia Antonio Pagliaro oblata», III, Roma, 1969, стр. 119. В данной работе автор, на основе анализа индоиранских заимствований в филиппинских языках, пытается определить относительно хронологии синкретизма $\bar{e}, \bar{o} > \bar{a}$ в протоиндийском.

свидетельствует лишь о том, что протоиндийский и протоиранский восходят к различным индоевропейским диалектам. Но данный пример поучителен и в другом отношении: рефлексы I и II палатализации в иранском ареале показывают, что в данном случае протоиранское состояние оказывается более древним, чем протоиндийское состояние. Это подводит к вопросу о различиях между протоиндийским и протоиранским состоянием. Следует со всей определенностью подчеркнуть, что исследователи, описывая древнейшее состояние индийских и иранских языков, слишком большое внимание уделяли чертам структурного сходства между данными группами языков, не придавая особого значения структурным различиям между ними и чаще всего рассматривая иранское состояние как более позднее по сравнению с древнеиндийским состоянием. Тем самым общепринятый язык в значительной степени совпадал с протоведическим состоянием. Так, Тумб и Хаушильд прямо подчеркивали: «Древнеиндийский обнаруживает в фонетике и грамматике примечательные совпадения с древнеиранским. Эти общие черты оба диалекта, естественно, наследовали у общепринятого языка, который не представляет затруднения восстановить на основе сравнения обоих диалектов и который, впрочем, не очень сильно отличался от ведического наречья». В другом месте авторы указывают на то, что «иранский в большей степени отличается от общепринятого языка, чем древнеиндийский; так, для него характерен переход общепринятого $s > h$ (ср. др.-инд. *sarva-*, авест. *haurva-*, др.-перс. *hariva-* «целый, весь»); затем спирантизация гуттуральных в группах согласных (ср. др.-инд. *putra-*, др.-перс., авест. *rudra* «сын»; др.-инд. *ksatra-*, авест., др.-перс. *xšātra* «господство»); затем утеря аспирированного (ср.-др.-инд., *īha*, где $h < dh$; ср.-др.-инд. *idha*, авест. (Гаты) *idā*, др.-перс. *idā* «здесь») и т. д.²⁶ С данными рассуждениями невозможно согласиться. Обратимся прежде всего к различиям, наблюдаемым в области фонетики, морфологии и морфологии между древнеиранским и древнеиндийским.

1. Фонетика. 1. Выше уже указывалось на существенные различия в трактовке результатов I и II палатализации гуттуральных в протоиндийском и в протоиранском, при этом подчеркивалось, что иранское состояние является более древним.

2. Различные рефлексы и.-е. группы $*d'd$: иран. (младовест.) *dazdi*, др.-инд. *dehi* «дай» < и.-е. $*de-d'dhi$ < $*de-d-dhi$. Х. Райхельт отмечает, что в плане относительной хронологии исчезновение $-d-$ является более поздним феноменом, чем переход $s, z > š, ž$ после i, u ²⁷.

3. Различные рефлексы и.-е. группы $*it > i't$: авест. (Гаты) *vīsiā*, др.-инд. *vētha* «ты знаешь», младовест. *čistiš*, др.-инд. *cittih* «мысль, размышление»²⁸.

4. Переход $s > h$ в иранском: др.-инд. *sarva-*, авест. *haurva-* «целый, весь».

5. Деаспирация и.-е. $*bh, dh, gh$: младовест. *brātā*, др.-инд. *bhrātā* «брат», авест. (Гаты) *vārdaiti*, др.-инд. *vārdhati* «он увеличивает», младовест. *garšō* «жаркий», др.-инд. *gharmā* «жара»²⁹.

6. Спирантизация глухих аспирированных смычных: $*ph, *th, *kh >$ иран. $f, θ, x$: младовест. *safəm*, др.-инд. *śaphām* «копыто», авест. (Гаты) *dadābā*, др.-инд. *dadātha* «ты дал», младовест. *xumba-*, др.-инд. *kumbhā* < $*khumbha$ «горшок»³⁰.

²⁶ A. Thumb, R. Hausschild, Handbuch des Sanskrit, I, стр. 55—56.

²⁷ H. Reichelt, указ. соч., стр. 36—37.

²⁸ Там же, стр. 38.

²⁹ Там же, стр. 40—43.

³⁰ Там же.

7. Различные рефлексy и.-е. группы *k̥(k̥ʰ) и *k̥ʰ: авест. *xšāya-* «господствовать», др.-инд. *kṣāya-* «господствовать» < *k̥ʰ; авест. *šaēti*, др.-инд. *kṣēti* «он живет». К. Гоффман отмечает, что в древнеиндийском отмечается синкретизм и.-е. *k̥ʰ* и *k̥ʰ > *k̥ʰ*, в то время как в иранском п.-е. *k̥ʰ* > *k̥ʰ*, а п.-е. *k̥ʰ* > *s*³¹.

8. Различная трактовка -а- внутри слова в индийском и в иранском (см. об этом замечание Мейе выше); отмечается отсутствие -а- в иранском при наличии -а- в древнеиндийском; ср. др.-инд. *dr̥áviṇas-*, авест. *draonah-* «владелец», др.-инд. *vṛṣṭé*, авест. *vər̥nté* «он выбирает», др.-инд. *duhitā*, авест. (Гаты) *dug'dā* «дочь»³².

9. Различная трактовка и.-е. *r̥ и r̥ в индийском и в иранском: др.-инд. *ṛg*, *ṛg* авест. > *ar*; др.-инд. *ṛiṇí*, авест. *raṇaōš* «много»; др.-инд. *dhurātí*, младоавест. *ava-barātí* «низвергается»³³.

10. Явление эпентезы в иранском (с разновидностями: i-эпентеза: авест. *maīnuar-*, др.-инд. *mañuár-* «дух»; авест. *maībuar-*, др.-инд. *mádhya-* «середина, средний»; u-эпентеза: младоавест. *rouga-*, др.-инд. *ṛiṅá-* «многой, обильный») ³⁴, что сближает иранский с греческим, кельтским, частично с армянским, при отсутствии эпентезы в древнеиндийском.

II. Морфонология. 11. Существенно различная трактовка внутреннего и внешнего сандхи в иранском и в индийском. Так, Х. Райхельт отмечает: «В авестийском акцентно самостоятельные слова пишутся отдельно, при этом, за немногими исключениями, для них характерна фонетическая форма начала и исхода предложения»³⁵. Принципиально иную картину дает сандхи в древнеиндийском³⁶.

12. Фундаментальные различия акцентной структуры в иранском и в индийском. Е. Курилович, подводя итоги своим разысканиям в области древнеиранской акцентной системы, приходит к следующему выводу: «Судьба древних конечных элементов в среднеиранском обычно объясняется равной фиксацией ударения на предконечном слоге. Эта просодическая особенность присуща также армянскому языку, который является индоевропейским языком, граничащим с иранским ареалом. В другом месте мы пытались доказать древний характер этого просодического переворота, возводя его к эпохе, предшествующей авестийской и древнеперсидской письменной традиции»³⁷.

III. Грамматика. К. Гоффман, давая в своем обзоре весьма внушительный перечень морфологических различий в иранском и в индийском, указывает на то, что «во многих случаях древнеиранский, особенно, естественно, гатический авестийский, сохранил древние черты, утерянные в ведическом»³⁸. К таким различиям и архаизмам он относит следующие явления.

13. Форматив -sa (2-е лицо ед. числа презенса медиума вторичного окончания) в иранском в отличие от формата -thās (то же окончание) в древнеиндийском. Е. Курилович и К. Уоткинс полагают, что форматив -sa в иран-

³¹ К. Hoffmann, указ. соч., стр. 3.

³² Там же, стр. 2.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ H. Reichelt, Awestisches Elementarbuch, 2-te Aufl., Darmstadt 1867, стр. 77.

³⁶ Там же, стр. 86.

³⁷ J. Wackerpögel, Altindische Grammatik, I, Göttingen, 1957, стр. 304—343; спорный вопрос об индоевропейских основах сандхи рассматривается в работах: Ф. А. Макаев, Язык древнейших рунических надписей, М., 1965, стр. 92—95; его же, Структура слова в индоевропейских и в германских языках, М., 1970, стр. 260—262.

³⁸ J. Kurylowicz, L'accentuation en viel iranien, Indo-Iranica. Mélanges présentés à G. Morgenstierne, Wiesbaden, 1964, стр. 103.

³⁹ К. Hoffmann, указ. соч., стр. 14.

ском, соответствующий -so в греческом и -a-za в готском, является инновацией данных языков, в которых древний форматив того же окончания оказался вытесненным на основании пропорциональной аналогии: -t: -to = -s: -so³⁸. К. Уоткинс полагает, что форматив *-thās* также является преобразованием более древней формы, но древнеиндийский продолжает сохранять в *-thās* < *-tha* + *as* архаизм⁴⁰. Весьма примечательно, что К. ГOFFMAN, рассматривая данное явление, видел единственную возможность его объяснения в принятии диалектных различий уже в самом общепринятом языке: «Известные отклонения от ведического являются следствием наличия в арийском праязыке диалектных различий»⁴¹. Тумб и Хаушильд предпочитают варьирование формативов **thās* ~ **so* приписать индоевропейскому праязыку, предполагая, что *-so*, утвердившееся в иранском и греческом и эллинизированное в древнеиндийском, было закреплено за тематическими глаголами⁴². Ниже я вернусь к этому вопросу.

14. Форматив *-āi* (< и.-е. *-ōi*) дат. падежа ед. числа: младоавест. *ahurāi* «богу»; ср. др.-инд. форматив *-āya*: *devāya* «богу»⁴³.

15. Форматив им. падежа мн. числа *n*-основ ср. рода в иранском представлен двумя вариантами: а) *-āni*, б) *ān*; авест. (Гаты) *nāmāni* (вед. *nāmāni*) ~ *nāmān*⁴⁴.

16. Примечательно в иранском сохранение архаического гетероклитического склонения; ср. авест. *hvarō* < **siyar*, вед. *svār* «солнце», род. падеж ед. числа авест. (Гаты) *xšāng* < **surāns*⁴⁵.

17. Примечательными архаизмами являются в иранском форматив *-āiš* в им. падеже ед. числа *u*-основ: др.-перс. *dahyāiš* «страна», а также парадигма иранского *pita*, др.-перс. *pitā*, «отец», дат. падеж ед. числа младоавест. *īdōi* < **īdōi* < и.-е. **pitr-ēi*⁴⁶.

18. К. ГOFFMAN⁴⁷ отмечает наличие весьма значительного количества архаических образований в иранской системе глагольной парадигматики, например, формы императива авест. (Гаты) *zdi* < и.-е. *zāhi*; ср. вед. *edhi* «буди»; ср. перфект авест. (Гаты) *vaaxtā* < **va-uk-ta*, вед. *īctā* «мы сказали»; ср. форматив *-ā*, и.-е. **-ō* в 1-м лице ед. числа тематических глаголов; ср. авест. *ta'nu* «я думаю» (об обобщении *-mi* у тематических и атематических глаголов в древнеиндийском см. выше); ср. форматив 3-го лица мн. числа вторичного окончания имперфекта авест. *-ai* < и.-е. **yē* (в ведическом *-it*); ср. авест. *dadet*, вед. *adadhur* «они поставили». М. Лойман отмечает, что *-it* является ведической инновацией⁴⁸. Кроме того, К. ГOFFMAN отмечает ряд примечательных архаизмов в иранском в области словообразования и синтаксиса⁴⁹.

Рассмотренные суммарно различия в области фонетики, морфологии и грамматики, наблюдающиеся между пидийским и иранским ареалами, не являются, конечно, во всех отношениях единообразными; бесспорно,

³⁸ J. Kurylowicz, The inflectional categories of Indo-European, Heidelberg 1964, стр. 59.

³⁹ C. Watkins, Indogermanische Grammatik, III, 1, Heidelberg, 1969, стр. 129 и 135.

⁴⁰ K. Hoffmann, указ. соч., стр. 14.

⁴¹ A. Thumb, R. Hauschild, указ. соч., стр. 207.

⁴² H. Reichelt, Awestisches Elementarbuch, стр. 169; K. Hoffmann, указ. соч., стр. 14.

⁴³ K. Hoffmann, указ. соч., стр. 15.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ F. R. J. Kuiper, Notes on Vedic noun-inflection, Amsterdam, 1942, стр. 21 и 36; K. Hoffmann, указ. соч., стр. 15.

⁴⁶ K. Hoffmann, указ. соч., стр. 16.

⁴⁷ M. Leumann, Morphologische Neuerungen im altindischen Verbalssystem, Amsterdam, 1952, стр. 27; см. *adadhur* ist eine Neuerung.

⁴⁸ K. Hoffmann, указ. соч., стр. 17—18.

ряд образований представляет иранскую инновацию, возникшую в эпоху раздельного существования обоих ареалов; ряд ведических образований представляет явные архаизмы; наконец, ряд образований в равной степени может рассматриваться как архаизмы и в ведическом, и в иранском. Но не подлежит никакому сомнению, что все вышеприведенные различия в своей совокупности не могут быть приписаны общearийскому языку. Это оказывается возможным лишь в том случае, если общearийское состояние рассматривать как язык, состоящий из ряда диалектов. Выше уже приводилось положение К. Гоффмана: «Известные отклонения от ведического являются следствием наличия в арийском праязыке диалектных различий». Есть еще одна возможность все вышеуказанные различия между иранским и индийским возвести к общearийскому языку, именно в том случае, если, как это делают некоторые исследователи, общearийское состояние рассматривать как состояние, почти тождественное общиндоевропейскому состоянию; ср. например, замечание Х. Райхельта (в отношении консонантизма): «Звуковой строй общearийского языка во всем существенном идентичен общиндоевропейскому звуковому строю»⁵⁰. Но и в том, и в другом случае, понятие общearийского языка становится бессодержательным, ибо, если арийский праязык был пронизан диалектными различиями, если в нем были представлены диалекты, то в таком случае приходится восстанавливать его предшествующие формы, когда он еще был единообразным, ибо только это позволяет и заставляет два родственных языка возводить к единому источнику. Если древнеиранский и древнеиндийский возводятся к общearийскому состоянию, в котором они отображались как пучки диалектных изоглоссов, то в таком случае какой смысл имеет реконструкция общearийского состояния? Ведь тогда общearийское состояние это — не что иное, как совокупность протоиранского и протоиндийского с сохранением всех их различий. В том случае, если общearийское состояние приравнивается общиндоевропейскому состоянию, элиминируются различия двух состояний и общearийский язык теряет свой *raison d'être*. Нельзя не заметить, что все вышеупомянутые исследователи слишком большое внимание уделяли чертам структурного сходства между протоиранским и протоиндийским, лишь попутно отмечая их различия. Следует полагать, что в дальнейшем предстоит большая работа именно в этом направлении, при этом задачей первоочередной важности является внутренняя реконструкция иранских и индийских языков, которая позволит протоиранский и протоиндийский на основе строгой процедуры непосредственно возводить к определенному ареалу общиндоевропейского языка, минуя общearийское состояние как не отвечающее строгим требованиям методики сравнительного языкознания.

Совсем в другой плоскости лежат такие явления, как наличие известного количества стилевых и метрических особенностей и формул, типологически, а в некоторых случаях и формально тождественных в отдельных частях Авесты и Ригведы. Именно эти особенности, неоднократно отмечавшиеся исследователями, в последнее время были удобно систематизированы в работах Ж. Дюшен-Гильмена, Б. Шлерата и Р. Шмитта⁵¹.

Данные стилевые и метрические корреспонденции между Авестой и Ригведой были использованы многими исследователями в качестве одного

⁵⁰ H. Reichelt, указ. соч., стр. 36: «Der ar. Lautbestand ist im wesentlichen derselbe wie der idg.»

⁵¹ J. Duchesne-Guillemin, *L'étude de l'Iranien ancien*, «Kratylos», VII, 1, 1962, стр. 33—36; B. Schlerath, *Das Königtum im Rig- und Atharvaveda*, Wiesbaden, 1960, стр. 129 и сл.; R. Schmitt, *Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit*, Wiesbaden, 1967; см. также сб.: «Indogermanische Dichtersprachen», hrsg. von R. Schmitt, Darmstadt, 1968.

из наиболее доказательных аргументов в пользу реального существования индоиранского языкового единства. Так, Мейе отмечал: «Если существуют подобные совпадения в деталях (между иранским и индийским. — Э. М.), то само собой разумеется, что системы двух языковых групп должны быть схожими и в целом; и действительно, на основе существующих фрагментов текстов была создана грамматика древнеиранского языка с помощью грамматики санскрита. И, как это часто повторяли, простое применение некоторых правил фонетических или морфологических корреспондентий позволяло трансформировать с максимальным приближением к точности определенный отрезок Авесты в отрезок на ведическом наречии и наоборот»⁵². Т. Барроу подчеркивает, что «представляется вполне возможным обнаружить метрические отрезки в древнейшей части Авесты, которые лишь при помощи фонетической субституции на основе установленных корреспондентий могут быть переведены на понятный санскрит»⁵³. Тумб и Хаушильд указывали на то, что «тесные связи между иранским и индийским языками лучше всего можно проиллюстрировать тем, что при соблюдении звуковых законов целые предложения Авесты звук за звуком и слово в слово могут быть транспонированы на язык ведических гимнов, как то было продемонстрировано Джексоном, Бартоломэ и Миддлсом, и что эти предложения можно перевести с помощью древнеиндийской грамматики и словаря»⁵⁴. И. М. Оранский также подчеркивает, что «даже синтаксические конструкции языка Авесты и ведического санскрита настолько близки, что, применяя известные фонетические корреспондентии, можно в ряде случаев переводить с языка Авесты на ведический санскрит и обратно целые фразы, слово за словом»⁵⁵. Р. Шмитт заявлял: «С другой стороны, имеются также такие соответствия, но на этот раз преимущественно из области фразеологии, которые, хотя они и восходят к эпохе до разделения общендоевропейского на отдельные языки, все же не настолько древни, чтобы их можно было приписать общендоевропейскому языку. Я имею в виду многочисленные индоиранские, особенно авестийско-ведические соответствия, которые определенно восходят к эпохе общерийского языка, но не к общендоевропейской эпохе». Тот же автор считал возможным несколькими строчками ниже заявить следующее: «Как известно, на заре иранистики исследователи шли так далеко, что даже пытались перевести более или менее крупные авестийские фрагменты на псевдоведическое наречие»⁵⁶. В какой мере оправдает себя подобная процедура?

Нет основания сомневаться в наличии известного количества сходных в стиливом и метрическом отношении фрагментов и формул в Гатах Авесты и в Ригведе⁵⁷. Однако материал, собранный в вышеупомянутом обзоре Ж. Дюшен-Гильмена, непереложно свидетельствует о том, что в этих сходных фрагментах и формулах легко можно обнаружить два слова.

1. Сходные авестийские и ведические формулы, восходящие к общендоевропейской эпохе и, следовательно, выступающие как реликты или архаизмы в Авесте и в Ригведе. Так, авест. *maδrēt ias-* (Гаты, 29,7) ~ ведич. *iaśīān māntrān* (Rgveda I, 67, 4) «створить (дословно: строить) заклинание» находит параллели и в других индоевропейских языках, например, в германских; ср. др.-нел. *ljōða-smidr* «петь», т. е. дословно: «кузнец магических напевов». В другом месте мне приходилось указывать

⁵² A. Meillet, указ. соч., стр. 27.

⁵³ T. Burrow, The Sanskrit language, London, 1955, стр. 4.

⁵⁴ A. Thum b. R. Hauschild, Handbuch des Sanskrit, I, Heidelberg, 1958, стр. 56—57.

⁵⁵ И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1960, стр. 48.

⁵⁶ R. Schmitt, Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit, Wiesbaden, 1967, стр. 4.

⁵⁷ См.: Н. Нумбах, Die Gathas des Zarathustra, I—II, Heidelberg, 1959.

на то, что др.-исл. *ljoda atidr* „поэт“ является не расширением исходного значения, а реликтом общиндоевропейского обозначения поэтического ремесла; ср. использование в древнеиндийском и в древнеиранском глагола *taks* (*tas*) „строить“ для обозначения поэтического ремесла⁵⁸.

2. Сходные формулы, которые могут быть использованы лишь в плане общей типологии языка, так как они, как эпическое достояние, могут встречаться, и действительно встречаются во многих индоевропейских и иносистемных языках. Так, один из первых примеров, приводимых Дюшен-Гильменом, авест. *daēvā vīspādhā* (Y. 32, 3) ~ ведич. *vīśve devāh* «все боги» является примером подобного типологического сложения; у многих народов в древности, в эпоху политизма, обращение ко всем богам (или богиням) было обычным ритуалом; ср. в греч. τοῖς θεοῖς ἐννομαί τὰσι καὶ κἀσιν «заклинять всех богов»⁵⁹. Ср. в «Эдде» «*Sein vóro asir | allir á þingi | oc ásynior allar á máli*» (Brym. 14, 1—2) «Тут же собрался все боги (=асы) на вече, а все богини на совещание»⁶⁰. Таким образом, для определения общего индоиранского фонда сходных авестийских и ведических фрагментов и формул необходимо прежде всего элементарно два вышеупомянутых пласта: здесь предстоит еще кропотливая работа со стороны компаративистов, иранистов, индологов и фольклористов. Авестийско-ведические схождения действительно имели место, ибо протоиранский и протондийский были близкородственными индоевропейскими диалектами, находившимися долгое время в теснейшем географическом и культурном контакте, во взаимном обмене духовными ценностями, что не могло не привести, наряду с консервацией общего обоим диалектам индоевропейского наследия, к появлению целого ряда общих инноваций, в том числе и в области поэтической техники и лексики, поэтической фразеологии и эпических формул. Представляется, что только в этом смысле следует интерпретировать и использовать сходные авестийские и ведические фрагменты и формулы, а перекодирование авестийских фрагментов в ведические и обратно может использоваться как технический прием для разграничения того, что является собственно достоянием интентивных индийско-иранских контактов и что должно быть отнесено к вышеупомянутым двум пластам.

Все вышесказанное позволяет прийти к следующим выводам: в развитии индийских и иранских языков древнейшего периода, более или менее адекватно отраженном в Ригведе и в отдельных частях Авесты, вне всякого сомнения имело место наличие значительного количества общих обоим группам языков структурных и парадигматических особенностей всех уровней языка. Эти общие структурные признаки, характерные для индийских и иранских языков, объясняются не их происхождением из постулируемого общеарийского праязыка, а прежде всего тем, что протоиранский и протондийский были искони двумя близкородственными индоевропейскими диалектами, каждый из которых унаследовал от общиндоевропейской эпохи большое количество общих обоим диалектам структурных признаков. Кроме того, эти диалекты в течение весьма длительного времени находились, после распада индоевропейской языковой общности и образования ряда ареалов, в теснейшем географическом и культурном контакте, входя в один и тот же языковой ареал, что имело

⁵⁸ Э. А. Макаев, Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970, стр. 31.

⁵⁹ H. Liddel, R. Scott, H. Jones, Greek-English lexicon, Oxford, 1961, стр. 791.

⁶⁰ «Edda. Die Lieder des Codex Regius, hrsg. von G. Neckel I, Dritte, umgearbeitete Aufl. von H. Kuhn, Heidelberg, 1962, стр. 113.

следствием появления ряда общих обоим диалектам инноваций; именно к таким общим инновациям относятся синкретизм кратких и долгих гласных в индийских и в иранских языках, что в свою очередь имело следствием развертывание количественного чередования, как бы компенсировавшего процессы синкретизма в подсистеме гласных, и ряд других явлений. Данные инновации являются результатом параллельного, но независимого развития индийских и иранских языков, ибо только этим обстоятельством можно объяснить наличие весьма значительного количества расхождений между индийскими и иранскими языками, многие из которых относятся к доисторической эпохе и не могут быть объяснены лишь как позднейшие инновации, характерные только для иранских или только для индийских языков. Наконец, не исключена возможность, что некоторые из черт структурного сходства и различия, присущих древнеиндийскому и древнеиранскому языкам, явились следствием того, что на протяжении своей длительной истории протониндийские и протоиранские диалекты неоднократно втягивались в различные, а подчас и тождественные зоны контактирования, а возможно, и в разные языковые союзы. Именно в этом и только в этом смысле следует понимать проблему индоиранского языкового единства.